

Аркадий Аверченко

Господин Цацкин

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-7
ББК 84-7

Аркадий Аверченко

Господин Цацкин / Аркадий Аверченко – М.: Книга по Требованию, 2011. – 36 с.

ISBN 978-5-458-11150-8

Библиотека сатиры и юмора.

ISBN 978-5-458-11150-8

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Некогда о книге **Аверченко „Дюжина ножей в спину революции“** В. И. Ленин написал, что отдельные рассказы из нее нам надо переиздать. Это было сказано относительно рассказов, „идеология“ которых была вне всяких сомнений: здесь говорилось о том, как переживает, как чувствует и понимает революцию, какую слепой и безудержной ненавистью ненавидит ее старая, умирающая дворянско-купеческая Русь. Сделано это было талантливо:

— Таланты следует поощрять.

Мы с интересом читаем книгу Шульгина о „двадцатом годе“. Взгляды Шульгина нам чужды, его теории ничего не вызывают, кроме смеха, практика описанного им „спасательного действия“ и сейчас еще будит злобу и ненависть в душе, — но книга талантлива, но Шульгин открывает перед нами страницы, он разворачивает перед нами эпизоды, которые нужно знать и нам, и новым поколениям, и о которых только он, пожалуй, мог рассказать с той исключительной силой, с той убийственной простотой и подробностями, как это сделано в „Двадцатом годе“.

Талант писателя, чтобы он не остался бесплодным, должен сочетаться с безусловным знанием вещей, о которых писатель говорит. Книга Шульгина ценна и интересна не только потому, что Шульгин талантлив, но еще и потому, что Шульгин пережил эпопею „грабарии“ в ее же рядах, он много видел, чувствовал и думал в те дни, — и он есть тонкий знаток психологии, и быта, и нравов, и внутреннего существа класса, крушение которого он описал. Книга его, книга публициста, есть документ эпохи, есть политический и общественный ее документ.

Книги Аверченко, книги беллетриста, есть бытовые документы эпохи.

„Двенадцать ножей в спину революции“ — это о буржуазии, о мещанстве, об обывателе, шипевших насчет немецких денег и запломбированных вагонов, еще бес-

ровнившихся, еще ждавших, еще надеющихся, что революция „счастливно кончится“ одну из ближайших суббот“. Злобная книга написана хорошо, ибо Аверченко тонко знал то, о чем писал, и это ему было близко, ибо он сам злобствовал, ненавидел, и полон был того скрытого бешенства, которым пропитаны „Двенадцать ножей“.

„Осколки разбитого вдребезги“ — это об эмиграции. Огни догорели, цветы осыпались, поблекли и умерли надежды. „Все в прошлом“: лихач на Невском, шампанское у Донона, мундир и железка в клубе, цыгане за заставой — роскошь, довольство, бездельная, праздная, сытая и веселая жизнь. Грустная книга написана хорошо: ибо и здесь Аверченко, бесславно кончивший в рядах эмиграции свои дни, знал то, о чем он пишет. И если не понимал, то чувствовал, как чувствует вся эмиграция, неизбежность и близость наступающего „окончательного конца“. Книжка была интересна, как-никак — страницы доподлинной жизни! И полезно прочитать их: а если Аверченко шипит, так ведь он шипит, а никому не страшно!

Рассказы Аверченко, которые выходят сейчас („Господин Цацкий“, „Коса на камень“, „Люди, близкие к населению“), есть рассказы о мещанине, о дураке и обывателе, о маленькой и подленькой человеческой душонке, о болоте мелкого прошлого чиновного бытия, и о мудрости полицейского правления „людей, близких к населению“. Еще раз: это написано талантливо. Аверченко несправедливо считают мастером литературы для вагонного чтения: не классик, конечно, он рассыпает зачашую незаурядные блестящие юморы, возвышающегося до степени сатиры, и достигает нередко в этой несколько ограниченной, но крепко охваченной области искусства, каким могут похвастать очень немногие из русских бытописателей предреволюционных и последних лет.

Над этими его рассказами можно не только смеяться, но и узнать еще и увидеть обнаженными те уголки мелкого житейшняка, какие здесь талантливо показаны.

А. Зорич.

ГОСПОДИН ЦАЦКИН

Мое первое с ним знакомство произошло после того, как он, вылетев из окна второго этажа, пролетел мимо окна первого этажа, где я в это время жил, и упал на мостовую.

Я выглянул из своего окна и участливо спросил неизвестного, потиравшего ушибленную спину:

— Не могу ли я быть вам чем-нибудь полезным?

— Почему же не можете? — добродушно кивнул он головой, в то же время укоризненно погрозив пальцем по направлению окна второго этажа. — Конечно же, можете.

— Зайдите ко мне в таком случае! — сказал я, отходя от окна.

Он вошел веселый, улыбающийся. Протянул мне руку и сказал:

— Цацкин.

— Очень рад. Не ушиблись ли вы?

— Чтобы сказать вам да — так нет. Чистейшей воды пустишки.

— Наверное, из-за какой-нибудь хорошенькой женщины? — сказал я, подмигивая. — Хи-хи!

— Хе-хе! А, вы, вероятно, любитель этих сюжетцев? Хе-хе! Не желаете ли, могу предложить серию любопытных открыток? Немецкий жанр. Понимающие люди считают его выше французского.

— Нет, зачем же? — удивленно сказал я, всматриваясь в него. — Послушайте, ваше лицо кажется мне знакомым. Это не вас ли вчера какой-то господин столкнул с трамвая?

— Ничего подобного. **Это** было третьего дня. А вчера меня спустили с черной **лестницы** по вашей же улице. Но, правду сказать, какая **это лестница**? Какие то семь паршивых ступенек.

Заметив мой недоумевающий взгляд, господин Цацкин потупился и укоризненно сказал:

— Все это за то, что я хочу застраховать им жизнь. Хороший народ: я хлопочу об их жизни, а они суетятся о моей смерти.

— Так вы агент по страхованию жизни! — сухо заметил я. — Чем же я могу быть вам полезным?

— Вы мне можете быть полезны одним малюсеньким ответиком на вопросик: как вы хотите у нас застраховаться? На дожитие, или с уплатой премии вашим близким после, — дай вам бог здоровья, — вашей смерти?

— Никак я не хочу страховаться, — замотал я головой. — Ни на дожитие, ни на что другое. А близких у меня нет. Я одинок.

— А супруга?

— Я холост.

— Так вам нужно жениться. Очень просто! Могу вам предложить девушку: пальчики оближете. Двенадцать тысяч приданого, отец две лавки имеет. Хотя брат шарлатан, но она такая брюнетка, что даже удивительно. Вы завтра свободны? Можно завтра же и поехать посмотреть. Сюртук, белый жилет... Если нет, — можно купить готовые. Адрес: магазин „Оборот“, наша фирма...

— Господин Цацкин! — возразил я. — Ей же богу, я не хочу и не могу жениться! Я вовсе не создан для семейной жизни.

— Ой, не созданы! Почему? Может, вы до этого очень шумно жили? Так вы не бойтесь. Это сущий, поправимый пустяк. Могу предложить вам средство, которое несет собой радость каждому меланхоличному мужчине: 6.000 книг бесплатно. Имеет массу благодарностей. Пробный флакончик...

— Оставьте ваши пробные флакончики при себе! — раздражительно сказал я. — Мне их не надо. Не такая у меня

наружность, чтобы внушать к себе любовь. На голове порядочная лысина, уши оттопырены, морщины, маленький рост...

— Что такое лысина? Если вы ее помажете средством, которого я состою представителем, так обрастете волосами так, как, извините, кокосовый орех, а морщины, а уши... Возьмите наш усовершенствованный аппарат, который можно надевать ночью... Всякие уши, как рукой, снимет. Рост... Наш гимнастический прибор через шесть месяцев увеличивает рост на два вершка. Через два года вы уже можете будете жениться, а через пять лет вас уже можно будет показывать. А вы мне говорите: рост!

— Ничего мне не нужно, — сказал я, сжимая виски. — Простите, но вы мне действуете на нервы.

— На нервы! Так он молчал... Патентованные холодные души, могущие складываться и раскладываться. Есть с краном, есть с разбрызгивателем. Вы — человек интеллигентный и очень мне симпатичный... Поэтому могу посоветовать взять лучше разбрызгиватель... но...

Я схватился за голову.

— Чего вы хватаетесь? Голова болит? Вы только скажите, сколько вам надо тюбиков нашей пасты „Мигренин“? Фирма уже сама доставит нам на дом.

— Извините, — сказал я, закусывая губу, — но прошу вас оставить меня. Мне некогда. Я очень устал, а мне предстоит еще утомительная работа: писать статью...

— Утомительная? — сочувственно спросил господин Цацкин. — Я вам скажу, что она утомительна потому, что вы до сих пор не приобрели нашего раздвижного пюпитра для чтения и письма. Нормальное положение, удобный наклон... За две штуки 7 рублей, а за три — 10...

— Пошел вон! — закричал я, дрожа от бешенства. — Или я проломлю голову тебе этим пресс-панье!

— Этим пресс-панье! — презрительно сказал господин Цацкин, ощупывая пресс-панье на моем письменном столе. — Этим пресс-панье... Вы на него дуньте, оно улетит! Нет, если вы хотите иметь настоящее, тяжелое пресс-панье, так я могу вам предложить целый прибор из малахита.

Я нажал кнопку ~~электрического~~ звонка.

Вот сейчас придет человек, -- прикажу ему вывести вас.

Скромно склонив голову, господин Цацкий сидел и молчал, будто ожидая исполнения моего приказанья.

Прошло две минуты. Я позвонил еще.

— Хороши звонки, нечего сказать! — покачал головой господин Цацкий. — Разве можно такие безобразные звонки иметь, которые не звонят? Позвольте вам предложить звонки с установкой и элементами за 7 рублей 60 копеек. Изящная кнопка...

Я вскочил, схватил господина Цацкого за рукав и потащил к двери:

— Идите, или у меня сейчас будет разрыв сердца!..

— Это не дай бог, но вы не беспокойтесь! Мы вас довольно прилично похороним по второму разряду. Правда, не будет той пышности, как первый, но катафалк...

Я захлопнул за господином Цацкиным дверь, повернул в замке ключ и вернулся к столу.

Через минуту я обратил внимание, что дверная ручка зашевелилась и дверь вздрогнула от осторожного напора и распахнулась.

Господин Цацкий робко вошел в комнату и, прищурясь, сказал:

— В крайнем случае, могу вам доложить, что ваши дверные замки никуда не годятся... Они отворяются от простого нажима. Хорошие английские замки вы можете иметь через меня: один прибор 2 рубля 40 копеек, а пять штук...

Я вынул из ящика письменного стола револьвер и, заскрежетав зубами, закричал:

— Сейчас я буду стрелять в вас!

Господин Цацкий с довольной миной улыбнулся и сказал:

— Я буду очень рад, так как это даст вам возможность убедиться в превосходном качестве панциря от пуль, который надет на мне для образца, и который могу вам предложить. Одна штука восемнадцать рублей, две — дешевле, а три — еще дешевле. Прошу вас убедиться!..

Я отложил револьвер и, схватив господина Цацкого поперек туловища, с бешеным ревом выбросил в окно.

Падая, он успел крикнуть мне:

— У вас очень непрактичные запонки. Острые углы, рвущие платье и оцарапавшие мне щеку. Могу предложить африканского золота с инкрустацией. Пара — два рубля, три — че...

Я захлопнул окно.

ШИРОКАЯ МАСЛЕНИЦА

Кулаков стоял перед хозяином гастрономического магазина и говорил ему:

— Шесть с полтиной. С ума сойти можно. Мы, Михайло Поликарпович, сделаем тогда вот что: вы мне дайте коробку зернистой в фунт, а завтра по весу обратно примите... Что съедим, за то заплачу. У нас-то ее не едят, а вот гость нужный на блинах будет, так для гостя, а?

«Чтоб тебе лопнуть, жила!» — подумал хозяин, а вслух сказал:

— Неудобно это как-то!.. Ну, да раз вы постоянный покупатель, то разве для вас. Гришка, отвесь!

Кулаков подвел гостя к столу и сказал, потирая руки:

— Водочки перед блинками, а? Хе-хе-хе!

Гость опытным взглядом обвел стол.

— Нет-с, я уж коньячку попрошу. Вот эту рюмочку, побольше!

Хозяин вздохнул и прошептал:

— Как хотите, — на то вы и гость!

И налил рюмку, стараясь не долить на полпальца.

— Полненькую, полненькую, — весело закричал гость и игриво ткнув Кулакова пальцем в плечо, прибавил:

— Люблю полненьких!

— Ну-с, ваше здор... А я простой выпью. Прошу закусить: вот грибки, ~~селедочки~~ ильки... кильки, я должен вам сказать, поражающие.

— Те-те-те!... — ~~восторженно~~ закричал гость. — Что вижу я? Зернистая икра, и, кажется, недурная! А вы, злодей, молчите!

— Да с, икра... — ~~побледневшими~~ губами прошептал Кулаков. — Конечно, можно и икры... Пожалуйте, вот ложечка.

— Чего-с? Чайную? Хе-хе! Поднимайте выше! Зернистая икра хороша именно тогда, когда ее едят столовой ложкой. Ах, хорошо! Попрошу еще рюмочку коньяку. Да что вы такой мрачный? Случилось что-нибудь?

Хозяин придвинул гостю тарелку с селедкой и страдальчески сказал:

— Жизнь не веселит. Всесобщий упадок дел... Дороговизна предметов первой необходимости, не говоря уже о предметах роскоши... Да, так, к слову сказать, знаете, почему теперь зернистая икра? Шесть с полтиной!

Гость зажмурился.

— Что вы говорите? А вот мы ее за это. На шесть гривен... на хлеб... да и в рот... Гам... Вот она и наказана!

Хозяин сжал под столом кулаки и, стараясь улыбнуться жизнерадостно воскликнул:

— Усиленно рекомендую вам селедку. Во рту тает.

— Тает. Скажите! Таять-то она, подлая, тает, а потом подведет — изжогой наделит. Икра, заметьте же, почтеннейший, не выдаст. Благо-ороднейшая дама!

— А что вы скажете насчет этих малюток? Немцы считают кильку лучшей закуской.

— Так то немцы! — резонно заметил гость. — А мы, батенька, русские! Широкая натура! А ну... еще! „Черпай, черпай источник. Да не иссякнет он!“ — так сказал какой-то поэт.

— Никакой поэт этого не говорил! — злобно возразил хозяин.

— Не говорил? Он был, значит, неразговорчивый. А коньяк хорош! С икрой.

Хозяин заглянул в банку, погасил в груди беззвучный стон и придвинул гостю ветчину.

— Вы почему же не кушаете ветчины?.. Неужели вы стесняетесь?

— Что вы? Я чувствую себя, как дома!

„Положим, дома ты бы зернистую икру столовой ложкой не лопал!“ — хотел сказать вслух Кулаков, но подумал это про себя, а вслух сказал:

— Вот и блины несут! С маслом и сметаной.

— И с икрой, добавьте, — нравоучительно произнес гость. — Икра, это — Марфа и Онега всего блинного, как говорил один псаломщик. Понимаете? Это он вместо альфы и омеги говорил... Марфа и Онега. Каково? Хе-хе-хе!

Потом гость тупо посмотрел на стол и удивленно воскликнул:

— Чорт возьми! Икра точно живая. Я ее подвигаю, а она отодвигается туда... Совершенно незаметно.

— Неужели? — удивился печальный хозяин и прибавил: — А вот мы ее опять придвинем!

И придвинул грибки.

— Да это грибки! — добродушно сказал гость.

— А вы... чего же хотели?

— Икры, там еще есть немного к блинам.

— Господи! — злобно проскрежетал Кулаков, смотря на гостя.

— Что такое?

— Кушайте, пожалуйста, кушайте!

— Я и ем!

Зубы хозяина стучали, как в лихорадке.

— Кушайте, кушайте! Вы мало икры ели, еще кушайте... Кушайте побольше!

— Благодарю вас. Я ее с коньячком. Славный коньячишко!

— Славный коньячишко! Вы и коньячишку еще пейте... Может-быть, вам шампанское открыть, ананасов, а? Кушайте!

— Дело! Только ~~постыж~~ ~~и~~ ~~жизне~~, не забегайте вперед! Оставим место и для ~~постыж~~ ~~и~~ ~~жизне~~, и для ананасов... Пока — я сию брюнетку. Кажется, ~~постыж~~ ~~и~~ ~~жизне~~ еще осталось.

— Куш... кушайте! ~~постыж~~ ~~и~~ ~~жизне~~ сверкая безумными глазами, взвизгнул хозяин. — Может столовая ложка мала? Не дать ли разливательную? Чего же вы стесняетесь? Кушайте! Шампанского? И шампанского дам! Может, вам нравится моя новая шуба? Берите шубу! Жилетка вам нравится — сниму жилетку! Забирайте стулья, комод, зеркало!.. Деньги нужны? Хватайте бумажник, ешьте меня самого! Не стесняйтесь! Будьте, как дома! Ха-ха-ха!..

И, истерически хохоча и плача, Кулаков грохнулся на диван.

Выпучив в ужасе и недоумении глаза, смотрел на него гость, и рука с последней ложкой икры неподвижно застыла в воздухе.

В РЕСТОРАНЕ

— Фокусы! Это колдовство! — услышал я фразу за соседним столиком.

Произнес ее мрачный человек с черными обмокшими усами и стеклянным недоумевающим взглядом.

Черные мокрые усы, волосы, сползшие чуть не на брови, и стеклянный взгляд непоколебимо доказывали, что обладатель перечисленных сокровищ был дурак.

Был дурак в прямом и ясном смысле этого слова.

Один из его собеседников налил себе пива, потер руки и сказал:

— Не более, как ловкость и проворство рук.

— Это колдовство! — упрямо стоял на своем черный, обсадивая свой ус.

Человек, стоявший за проворство рук, сатирически посмотрел на третьего из компании и воскликнул:

— Хорошо! Что здесь нет колдовства, хотите, я докажу?